

«ОБЛАКА»

17.04.2012

В эфире программа "Облака"...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

Смягчение уголовного наказания, направленное на наилучшее обеспечение достижения целей наказания, считается одним из важнейших элементов развития уголовной политики страны. Это отвечает сформировавшимся общественным ожиданиям, настроениям и этическим стандартам. И такие шаги были сделаны.

Напомним, уважаемые слушатели, что год назад в марте вступил в силу Федеральный закон № 26, исключивший нижние пределы санкций по 68 составам преступлений. Проект этого закона был внесен Президентом Дмитрием Медведевым, который в ежегодном Послании Федеральному Собранию дал тогда такое напутствие:

«У суда появится возможность более широко применять такие альтернативные меры наказания, как штраф и принудительные работы. Но главное, чтобы в отсутствие нижнего предела уголовной санкции суды не воспринимали верхний предел как единственный ориентир при назначении наказания. Ведь сила суда не в жесткости, а в неотвратимости и справедливости наказания, а миссия правосудия - не только карать, но и исправлять».

Закон, смягчающий ответственность осужденного за совершенное им преступление, имеет обратную силу, согласно статье 10 Уголовного кодекса РФ. В связи с этим и назначенное наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных нормами, как Особенной части, так и Общей части Уголовного кодекса. У многих заключенных появилось право добиваться пересмотра объявленного им приговора. Особенно актуально это оказалось для тех, кому был назначен минимально возможный срок.

* * *

Прошел год с момента вступления в силу данного закона, смягчающего наказание по многим статьям. О результатах его применения говорят и пишут адвокаты, юристы и правозащитники. В Общественной палате Российской Федерации по инициативе Комитета за гражданские права был проведен круглый стол, участники которого подвергли критическому анализу судебную практику рассмотрения ходатайств осужденных о приведении их приговоров в соответствие с новым уголовным законом.

Как отмечали эксперты, в большинстве случаев, суды на местах удовлетворяют ходатайства частично, т.е. приводят приговор в соответствие с новым законом, но в смягчении наказания отказывают. В некоторых случаях суды снижают срок на два-три месяца – в основном это коснулось тех, у кого изначально было минимальное наказание по данной статье. Если же назначенный срок хоть немного, но превышает минимальный предел санкции, суды не считают нужным уменьшать наказание.

Сами же судебные заседания по пересмотру приговоров очень походят на рассмотрение дел по условно-досрочному освобождению. Вот что рассказывает юрист Межрегионального центра прав человека из Екатеринбурга **Игорь Голендухин**:

Вся процедура рассмотрения данного ходатайства проходит аналогично процедуре условно-досрочного освобождения. Прокурор читает характеристики – вот про него говорят там, пятое-десятое – много оставляет. О чем он? Это судебное заседание о рассмотрении ходатайства о пересмотре приговора, а не об условно-досрочном освобождении. Абсолютно не отражает действительность все, что сказано прокурором, ложится в постановление суда. У меня есть такое дело Соломина, когда он по 163, части 2-ой приговорен к 3 годам, т.е. это нижний предел санкций, и суд это четко отмечает – с учетом всех смягчающих обстоятельства, суд находит возможным применить ему минимальный предел. Когда шел пересмотр, прокурор настаивал на оставлении прежнего наказания, трех лет, суд сделал 2 года 9 месяцев. Ну, это явная ревизия, явная ревизия приговора.

Как известно, ни один из вопросов, разрешаемых судом в стадии исполнения приговора, не предполагает его ревизии и пересмотра уголовного дела, подобно тому, как это имеет место в кассационном или судебном-надзорном производстве. Судебные решения в стадии исполнения приговора не влияют на существо приговора, т.е. не касаются и в принципе не могут касаться содержащихся в нем выводов о виновности или невиновности, виде и мере наказания, они лишь уточняют смысл его предписаний и посвящены частным вопросам.

* * *

Валентин Богдан, юрист движения «За права человека», уже давно работает в Рязанской области, участвует в судебных заседаниях, защищая права осужденных. Не понаслышке знает он о настроениях в судебном сообществе региона:

Все судьи в один голос заявляют, а зачем нам брать на себя инициативу, когда проще сделать профанацию – 2-3 месяца и все, этим ограничиться. Есть даже те, которые говорят, что «а я и снимать не буду, как вот тут заявляют – они только формулировку меняют, что да, привели в соответствие с 26-м законодательством, но в рамках статьи, все – совпадает, ничего снижать мы не будем. Мне один председатель суда так и заявила – пусть нас поправляют наверху. Тем самым они просто создают вот эту волокиту, вот эти прецеденты, которые приходится исправлять на более высших инстанциях. Как вы заметили, Верховный суд по 26 федеральному закону, в кассационных инстанциях, надзорных инстанциях, как правило, дает чуть выше планке – 6 месяцев и даже когда предлагал Рязанскому областному суду обратить внимание на практику Верховного суда, чтобы не заниматься вот этой ненужной дополнительной бумажной волокитой, они полностью игнорировали.

* * *

В Московской области судебная практика такова, что все осужденные, независимо от того, подали они сами ходатайство или нет, получили право на пересмотр приговора. К сожалению, так происходит не везде, ведь формально, в соответствии со статьей 399 уголовно-процессуального кодекса, выступать с ходатайством можно только осужденному. Очевидно, что эта статья противоречит Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации № 4-п от 2006 года, согласно которому с таким ходатайством может также обратиться прокуратура или администрация учреждения. Видимо членам общественных наблюдательных комиссий по контролю за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания стоит обратить внимание на то, в какой мере администрация колоний и прокуратура пользуются этим правом.

Известный адвокат и правозащитник **Михаил Трепашкин**, у которого большой опыт работы по таким делам, отмечает, что ни суды, ни прокурорские работники не знают и не хотят учитывать в своей практике теоретические разработки ученых:

Почему-то теория очень сильно расходится с практикой и мое видение таково, что очень слабо знают теорию, как судьи, так и прокуроры, ну и многие другие. Почему? Потому что у нас, когда издавался новый закон, смягчающий, существовала четко установленная учеными мера насколько нужно снижать. У нас государство четко трактует, что система наказаний у нас устанавливается только законом и, соответственно, снижение тоже в соответствии с законом. А не на глазок. К сожалению, вот у нас процессы, которые идут, идет решение только на глазок. Как УДО. Вот мы прикинем, сколько кому можно снизить, кому нельзя.

Вопрос о том, на сколько следует снижать размер наказания, нашел свое отражение в постановлении Конституционного суда №4-П от 2006 года - суд, пересматривающий приговор в порядке обратной силы уголовного закона, должен учитывать комплекс всевозможных факторов, которые были выявлены судом первой инстанции. Однако обвал нижнего предела санкций по многим статьям, произошедший в прошлом году, породил новую проблему. У микрофона председатель Комитета за гражданские права **Андрей Бабушкин**:

Если до этого мы говорили о том, что в принципе, исходя из здравого смысла, применим подход пропорционального снижения наказаний – нигде наш законодатель не предусматривает пропорциональное снижение наказаний, нигде никто не говорит, что снизили санкции на два года, давайте тогда и наказание по старой санкции тоже надо снижать на два года, но в связи с тем, что здесь погибает нижняя санкция уголовного закона, не совсем стало понятно, как в этой ситуации действовать.

Проблема, на самом деле, имеет очень серьезное морально-этическое значение. Ведь за преступным деянием часто стоит фигура потерпевшего, жертвы преступления, интересы которого необходимо учитывать в первую очередь. Об этом в последнее время стали говорить не только правозащитники, но и государство. Даже если по преступлениям, связанным с наркотиками, потерпевшего физически нет, в ряде ситуаций мы понимаем, что освобождение человека может вызвать негативные реакции и последствия для людей. Здесь арифметика не применима и вероятно необходимы новые постановления Конституционного и Верховного судов, которые бы обеспечили достижение целей наказания. При этом должны быть учтены факторы, указанные в статье 60 Уголовного кодекса - характер и степень общественной опасности преступления и личности виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Продолжает **Андрей Бабушкин**:

Вначале суду казалось, 5 лет нужно для исправления, прошел год, принят новый уголовный закон, и мы видим, что человек проявляет позитивные, положительные качества своей личности, происходит изменение морально-ценностной ориентации, жизненной позиции осужденного, и здесь суд может быть все-таки имеет право опираться на те данные, которые представила ему учреждение исполнения наказания, обосновывая более радикальное снижение наказания, опираясь на новый уголовный закон.

Возможно, самая большая обеспокоенность экспертов состоит в том, что при одних и тех же или очень похожих обстоятельствах и данных о личности, наказание, приведенное в соответствие с новым уголовным законом, оказывается более суровым, чем наказание, назначаемое после издания нового закона. Такое положение нарушает принцип равноправия и равенства граждан перед законом. В связи с этим, эксперты обратились к Верховному суду РФ с просьбой о проведении сравнительного анализа соответствующей судебной практики. Результаты исследования и последующие

рекомендации судейскому сообществу должны также стать доступны заинтересованной общественности.

На самом деле разбалансированность между новым уголовным законом и его применением свидетельствует об отсутствии у нас концепции уголовной политики. О необходимости ее создания заявил **Владимир Юрьевич Долгих**, ответственный секретарь Комиссии Общественной Палаты Комиссия по проблемам безопасности граждан и взаимодействию с системой судебно-правоохранительных органов:

Нет единого документа, на основе которого можно было бы отсекал или вносить изменения в уголовный кодекс. Как только будет документ, на основе которого – вот по этому табу мы живем, уголовная политика страны – к чему мы двигаемся, и куда мы идем. То есть, приняв вот этот документ, я думаю, мы снимем большинство вопросов.

Поиск оптимальной модели уголовной политики станет темой VII российского конгресса уголовного права, который пройдет в этом году 31 мая — 1 июня на базе юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В конгрессе предполагается участие ведущих научных и практических работников, преподавателей учебных заведений Российской Федерации, стран СНГ, Балтии и других государств. Планируется издание тематического сборника с концептуальными предложениями по вопросам уголовной политики и новой редакции Уголовного кодекса РФ. Для того чтобы будущая уголовная политика в большей степени учитывала права тех, кто попадает в сферу действия системы уголовного правосудия, не исключая потерпевших, очень уместным было бы пригласить на этот форум экспертов-юристов от правозащитного сообщества. Ведь их практический опыт уникален.

Вы слушали программу Облака. Всем привет.